

студилась — погода стояла мокрая и холодная, — должна была прервать леченіе. Англичанки уѣхали до нея, и она не докончила курса леченія, хотѣла даже бѣжать почти тайно отъ своего доктора, который раздражалъ ее смѣшнымъ французскимъ языкомъ и шуточками насчетъ того, что ей надо позаботиться о выходѣ замужъ.

Плоскія прогулки Франценсбада, сѣренькая публика больныхъ женщинъ, въ дешевыхъ ватерпруфахъ, полное отсутствіе изящныхъ мужчинъ, плохонькій театрикъ и, въ послѣдніе десять дней, тягучее одиночество! Она перестала ходить на музыку, избѣгала усиленно всѣхъ дамъ, казавшихся ей русскими — и дошла таки до того — она, Зина Ногайцева, — что по вечерамъ брала съ собой свою нѣмку-горничную и уходила съ ней гулять въ поля.

Начало ее тянуть къ морю. Она списалась съ двумя дамами; онѣ звали ее въ Остенде. Тамъ она еще не бывала; но знала, что эти морскія купанья „très bien fréquentés“. Сосѣ рѣшительно засѣла въ Россіи. Отецъ поправился, разводъ опять затянулся, такъ что ей надо было остаться тамъ и на осень.

По дорогѣ въ Остенде, Зина остановилась на нѣсколько дней во Франкфуртѣ — заказать себѣ нѣсколько туалетовъ для „plage“; въ Парижъ она одна не хотѣла ѣхать.

Особенно подробно обдумала она три туалета: бѣлое, красное съ цвѣтами и полосатое. Они должны были прибыть слѣдомъ за нею.

И опять знакомыя обманули ее: пріѣхали въ Остенде слишкомъ рано — въ половинѣ русскаго августа, такъ что черезъ недѣлю она осталась одна. Правда, онѣ ее познакомили съ двумя-тремя семействами и съ цѣлымъ десяткомъ молодыхъ людей, но въ семействахъ все дѣвушки лѣтъ по шестнадцать и моложе, — безцвѣтныя, глупенькія или болтливыя, на англійскій ладъ... Молодые люди — очень модные по части башмаковъ, панталонъ, бартузовъ, стоячихъ воротничковъ, тоже — такіе ужъ міоши, что у себя дома она каждого изъ нихъ отсылала бы къ подросткамъ играть, отдѣльно, въ „lawn-tennis“.

Прибыли ея франкфуртскія платья; — въ первый же день она — съ ужасомъ! — увидала, что рѣшительно у всѣхъ — бѣлые костюмы — сѣме и полосатые — красные съ синимъ; а красное къ ней не шло, на этой пестрой *digue*. Бѣлый цвѣтъ она возненавидѣла, и все-таки надо было надѣвать всего чаще костюмъ „сѣме“, потому что онъ шелъ къ ней больше и въ немъ было теплѣе. Море почти пугало ее въ этотъ разъ; два дня она „лихорадила“ — выраженіе ея петербургскаго врача — и взяла нѣсколько теплыхъ ваннъ, въ заведеніи около кургауза.